

Мария Ануфриева

ЛЕТАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

Рассказ

Опубликован в журнале «Кольцо А», 2013, № 59

<http://soyuzpisateley.ru/publication.php?id=82>

Петька жил в зеленом деревянном доме на окраине города. Одной стороной дом смотрел на высокий сарай, другой – полз к обрывистому берегу неглубокой каменистой речки Лососинки. От времени толстый слой краски потрескался, и теперь дом покрывал орнамент морщинок. Если подойти к стене и приглядеться, морщинки складывались в ромбики, извилистые тропинки и лабиринты. Зеленая краска превратилась в кожу дома: бугристую, шершавую, морщинистую. Летом, прижав к стене ладони, сквозь грубую эту кожу можно было почувствовать тепло деревянного остова. А если отойти на другой конец двора, дом казался гигантским крокодиллом.

Петька любил качаться на стуле, поставив локти на подоконник, и смотреть со своего второго этажа на Лососинку и новый стадион, который строили на другом берегу. Между оконных рам круглый год желтела вата, на которой черными лапками вверх лежали мухи, не успевшие покинуть свой дом до того, как он превратился в стеклянный застенок. А вдалеке на высоком здании, за стройплощадкой висел красный плакат с жирной белой надписью: «Слава КПСС». Когда стрелка крана наезжала на плакат, она зачеркивала некоторые буквы. Иногда Петька читал «Слава – СС» и злился на стрелку. В фильмах про войну врагами разведчиков были эсэсовцы, пытавшие и убивавшие героев. И даже если «Слава СС» была видна ему одному, значит, кран совершал преступление против него, Петьки.

Читать Петька научился незаметно для мамы, да и для самого себя еще в детском саду. Просто взял да и сложил слово, другое, третье. Соседка тетя Тома, работавшая во взрослой библиотеке неподалеку, даже разрешала ему брать на дом книги. Теперь-то он уже ходил в первый класс и мог записаться в школьную библиотеку, но пока и во взрослой находилось что почитать.

Иногда чтение выходило Петьке боком: долгими темными вечерами, когда мама все не шла с завода, а майнридовский всадник без головы все скакал по ночным прериям, ему было жутко до того, что хотелось исчезнуть. Боясь сделать лишнее движение, он тихонько опускался на кровать, подтягивал ноги к подбородку, сжимался, чтобы стать еще меньше и, не дождавшись маму, засыпал. Во сне Петька видел, как летит над землей: быстро, бесшумно, будто тот всадник, но голова у него на месте, а вот ноги поджаты, тело невесомо, и одним усилием воли он может набирать высоту. Сон повторялся часто, и, проснувшись, Петька пытался вспомнить то простое движение изнутри, которое позволяло ему поднять тело над землей. Это было не что иное, как решение лететь.

Мама приходила поздно, после работы она мыла полы в большом овощном магазине через три улицы – это было очень далеко, и район тот звался Голиковка. Ставила сумки у двери и заглядывала в комнату. Полет обрывался, ведь и во сне Петька ждал стука двери в подъезде, шагов мамы по лестнице и короткого щелчка в замке. Петька мягко пружинил ногами о землю во сне и, сонный, садился на кровати наяву. Он щурился, не мог смотреть на свет, но улыбался, потому что знал, что мама смотрит на него. «Ласковое солнышко», –

станет будить она его утром, слегка покашливая, глядя по щекам шершавыми ладонями, а он, такой же сонный, как сейчас, будет тыкаться в них и тереться как щенок.

На политинформации, проходившей в классе каждый четверг перед первым уроком, надо было пересказывать услышанные новости, потому что читать в классе умел пока только Петька. Он мог бы прочитать, но тоже пересказывал. Однажды Петька сообщил вычитанную мамой в городской газете новость: пионеры помогали взрослым чистить берег реки и нашли заржавевший снаряд. Он волновался, торопился, и оттого проглатывал слова, а речку и вовсе назвал Лосинкой. Учительница спрятала улыбку, а ребята принялись смеяться: надо же, Лосинка, а может, в ней лоси плавают? Петька покраснел и, чувствуя, как глазам становится горячо, поскорее сел на место, уставившись в окно, чтоб совсем уж не опозориться.

Он смотрел на школьную теплицу рядом с площадкой, где старших принимали в пионеры, и представлял, что это он шел по берегу реки, залез в густые заросли, заметил ржавый железный бок... На его крик прибежали другие пионеры, они хотели выкопать непонятную и, кажется, большую штуковину, но он не подпустил их к железке и убедил позвать взрослых и милицию. Место оцепили. Потом ему жали руку и у реки, и на площадке перед школой. Фото появилось в городской газете... И даже в «Пионерской правде» в новостях на второй странице написали о том, как Петька нашел снаряд, который мог взорвать весь город.

Однажды Петька возвращался из школы. Во дворе на расчищенной от снега площадке гоняли мяч Борька Бычко и еще парочка старших ребят. Здоровенный Борька гордился своей кличкой – Бычок, ходил в пятый класс, а отец его был водителем в пожарной части неподалеку. Когда оттуда с воем выносились машины, Петьке казалось, что за рулем непременно сидит огромный Борькин отец. Оба они – настоящие герои, а у Петьки и отца не было.

Заметив Петьку, Борька Бычок остановил ногой мяч, свистнул и призывно махнул рукой.

– У тебя пять рублей до среды не найдется? – солидно, по-взрослому спросил он.

Петька обрадовался, что сам Бычок обратил на него внимание и что, конечно, найдется, но тут же вспомнил, что копит их для подарка маме на ее день рождения. Красные лаковые туфли он увидел в большой витрине центрального обувного магазина еще в сентябре, когда ходил с классом на экскурсию к вечному огню. Огонь Петьке не очень запомнился, а вот туфли запали в душу.

Арифметику они только начали проходить, складывая разноцветные пластмассовые палочки, но Петька почему-то был уверен, что к маминому дню рождения сумеет правильно сосчитать, а главное – накопить деньги. Вот уже три месяца он не любил мороженое и тонкие шоколадные медальки в яркой фольге, а еще румяные творожные сочни и коржики с хрустящей глянцевой корочкой из школьного буфета. А когда ему казалось, что любит, он представлял, как мама открывает коробку, в которой лежат красные лаковые туфли, и смеется.

Петька еще не дошел в своих сложениях до числа 35, которое запомнилось ему на коробке с туфлями, но был уверен, что денег хватит. Также как был уверен в том, что эти туфли подойдут маме, хоть и знал уже, что обувь покупают по размерам.

Мысли о туфлях, смеющейся маме и глиняном поросенке с продольной дырочкой на спине, спрятанном в щель за шкафом, мигом пронесли в голове. Но этого мига хватило, чтобы Бычок уловил тень сомнения.

– Найдется? – настойчиво переспросил он и широко улыбнулся.

– Найдется, – неожиданно сам для себя кивнул Петька. – Но они мне самому очень нужны.

– До среды! – с нажимом повторил Бычок. – Ну, ты же свой братан! Выручи, а?

Петька взлетел по лестнице, вбежал в квартиру, нащупал за шкафом поросенка и погладил его по пяточку. Потом выглянул в окно. Бычок с компанией стоял у подъезда и размахивал руками. Мамин день рождения в феврале, а сейчас только январь, и братаном его назвали впервые. Герои, пусть даже будущие, не могут прятать деньги за шкафом и оставлять в беде товарищей.

Какая беда случилась у Бычка, Петька не знал, но ведь не зря же тот попросил помощи и размахивал сейчас руками у подъезда.

Когда Петька начал копить деньги, то не подумал, что поросенка придется разбить. Он не мог поднять на него руку, вернее, выпустить из рук – поросенок тоже стал его другом, помогавшим приблизить мечту о красных туфлях. Со двора в раскрытую форточку донесся громкий свист. Петька зажмурился и шарахнул глиняного друга об пол.

В среду Бычка во дворе не было. Не было его и в четверг, и в пятницу. Наверное, у него и впрямь что-то стряслось.

Все выходные Петька подбегал к окну, залезал на стол, с него на широкий подоконник и вытягивал шею в поисках Бычка. Даже мама заметила его беспокойство:

– Что ты все на окне висишь, холод от него!

– Ничего, мам, – бежал к ней Петька и нырял лицом в поляну голубых васильков на мамином переднике.

– Мальчик мой, золотой мой мальчик, – трепала она светлые Петькины волосы и вдруг крепко обхватывала его целиком и тоже зарывалась в него лицом.

«Мамочка... Мамочка... Мамочка», - хлюпало одно слово внутри, и Петька хлопал ресницами, чтобы сморгнуть и слезы, и слово, потому что герои не плачут. Ничего, вот купит он маме красные туфли, тогда заживут они по-другому, весело. С такими красными туфлями совсем другая жизнь будет. Мама на каблуках будет выходить из дома. Соседи будут высовываться в окна и любоваться мамой, пока она идет по двору!

В понедельник он встретил Бычка в школе: под дребезжание звонка тот бежал с перемены в класс и не заметил Петьку.

«Наверное, он про другую среду говорил», – подумал Петька. В другую среду Бычок гулял во дворе и на идущего со школы Петьку не оглянулся. Старшие ребята опять играли в футбол, Петька постоял на краю площадки, потерев ногой хрустящий снежный ком. Никто не обратил на него внимания...

Через неделю он набрался духа и после уроков сам подошел к Бычку, тот посмотрел вдаль, будто что-то там искал, а потом широко, приятельски улыбнулся. На душе у Петьки расцвело и даже стало стыдно, что он собирается отвлечь Бычка просьбой:

– Мне бы пять рублей моих, которые в среду... – бодро начал он, но тут же сморгнул и для солидности пнул собственный мешок со сменной обувью, который волочил по снегу.

– Братан, ты это, подожди, нет их у меня сейчас, – продолжал улыбаться Бычок – Я их того... поспорил.

– Как это? – не понял Петька.

Бычок опять что-то поискал взглядом за Петькиным плечом, вроде нашел и прищурился.

– Понимаешь, мы с тобой на Зареке живем. Зарека всегда с Голиковкой соревнуется. Вот пацаны с Голиковки говорят, у них дядька живет, который взглядом предметы двигает! Посмотрит – и поднимет чашку или тарелку. Недавно на скамейку уставился и подвинул ее, вместе с бабками! А я говорю, у нас... у нас, – Бычок закинул ищущий взгляд вдаль, – у нас на Зареке мальчик живет, который летать может! Они не верят, ну, я и поспорил на пять рублей. Думал, заманим их на чердак, оденемся привидениями, а вход дворничиха закрыла. Думал, отец мне деньги даст, а он удочку себе новую купил, к лету. Не дам, говорит. А ты – настоящий братан, выручил!

– Так как же их вернуть? Как, Бычок? – прошептал Петька.

– Ждать, пока у отца выпрошу, или показать этим голиковским летающего мальчика, – сокрушенно покачал головой Бычок. – Да зачем тебе деньги-то сейчас? Новый год прошел, восьмое марта не скоро... Ну, не хлюпай носом, ты же не тряпка, даст отец, даст! Сразу тебе верну, обещаю! Ты только это, братан, не говори никому, ладно?

Ночью Петька сопел в мокрую от слез подушку. Он крепился весь день и старался не думать о красных туфлях, а ночью, когда мама заснула, разревелся. Боясь ее разбудить, он беззвучно, про себя выскуливал в подушку и то, что останутся стоять в витрине туфли, и то, что нет у него отца, покупающего себе удочку и выезжающего на пожарной машине, и никакого нет, и то, что не станет он героем. Герои-то не плачут, а он вот ревет и не может остановиться.

На соседней кровати ворочалась и вздыхала во сне мама то ли о чем-то своем, то ли о Петьке. Подложив под щеку ладонь, чтобы было не так мокро, Петька стал смотреть на мамину руку, выглянувшую из-под одеяла. Он помнил, что раньше она была мягкой и с колечком, а в колечке маленький красный камушек. Его мама потом отнесла в какой-то «ломбард», а как Петька пошел в школу, взялась за вторую свою работу. «Мужик у меня растет, кормить надо», – говорила мама соседке тете Томе, которая заходила к ним выпить чая и поговорить с Петькой о прочитанных книгах.

Мамины черные волосы тяжелыми волнами рассыпались по подушке. Петька вспомнил: когда он был совсем маленьким, мама говорила:

– Ты моя золотиночка.

– Ты – моя черниночка, – отвечал он серьезно, а она смеялась.

Наступил февраль. Петька сел на троллейбус и поехал посмотреть, стоят ли в витрине туфли. Он точно знал, что магазин неподалеку от вечного огня, и без труда его нашел. Стоят! На стекле изнутри были приклеены бумажные снежинки, туфли стояли на постаменте из серебряной фольги, к которому иголкой был приколот картонный квадрат с надписью: «ГДР, 35 рублей». Арифметика давалась Петьке с трудом, и пластмассовые палочки каждый раз складывались в его воображении так, что купить красные туфли оказывалось возможным, хотя и в разбитом поросенке, и в заменившей его коробочке от сахара лежали в основном копейки.

Во дворе Бычок и все ребята с их двора гоняли мяч на утопанной снежной площадке.

– Бычок! – позвал его Петька.

– Что тебе? – не оборачиваясь, через плечо бросил Бычок.

– Я про летающего мальчика хотел тебе рассказать! – умоляюще крикнул ему через площадку Петька.

– Какого еще мальчика? – не понял Бычок, но оставил мяч. Вслед за ним к Петьке подошли остальные ребята.

– Летающего! Ты скажи голиковским, что есть у нас летающий мальчик. Я во сне каждую ночь летаю! И над нашим двором тоже. Я, наверное, раньше птицей был, и если вдруг вспомню, как это делается, то смогу полететь. Это просто, правда, просто! – вздохнул говорил Петька. – Пусть приходят, я им расскажу, как я летаю! И... и...

Он хотел добавить: «Пять рублей пусть отдают», – но вовремя вспомнил, что Бычок про проигранные пять рублей просил не говорить.

Кто-то хихикнул, а Бычок задумчиво поддел ногой хрустящий ком снега на краю площадки.

– Не поверят они, братан, им доказать надо, это ж голиковские, я их знаю...

– А я и докажу! – выпалил Петька и тут же осекся.

На другой день на школьной перемене он ловил на себе насмешливые взгляды старших ребят из класса Бычка, а потом на уроке услышал шушуканье за спиной:

«Летающий мальчик. Ага, был звездный мальчик, а Петька наш – летающий. И прям всем-всем, прям так и сказал, и нос, главное, задрал и пошел. Может, у него отец летчик? Ага, летчик, улетел неизвестно куда, моя мама говорила...»

По дороге из школы Петька наелся снега, а дома разделся до трусов и майки, открыл форточку и долго смотрел на плакат «Слава КПСС», глубоко вдыхая морозный воздух. К утру поднялась температура, мама запричитала, вызвала врача. Две недели простуды спасли от школы.

На мамин день рождения Петька нарисовал красками поляну цветов, маленький зеленый домик с трубой, солнце, двух человечков на тонких ножках: одного побольше, в треугольном платье, с копной черных кудрявых волос, второго поменьше, в шортах, с

волосами желтыми. Подумал, и дорисовал первому колечко с красным камнем. Потом еще подумал и нарисовал за домиком танк.

Мама была веселой, пришла домой пораньше, рисунок ей понравился, и к чаю у них был торт. Но Петька тоскливо смотрел в сторону, потому что мама, как назло, поставила на видное место, к печке на кухне сушиться свои черные бурки. За окном темнело: день рождения мамы всегда был вечером, к этому Петька привык.

В школе Петьку встретило то же шушуканье и насмешки, и даже сосед по парте, добродушный веснушчатый толстый мальчик Саша Иванов сказал:

– Ну, как, Петька, небось далеко слетал?

Во дворе было еще хуже. Когда он возвращался из школы, ребята не давали ему прохода, забегали вперед и кричали:

– Летающий мальчик, летающий мальчик! А почему ты идешь? Лететь-то быстрее!

До подъезда Петька почти добежал, а потом лежал на кровати до тех пор, пока в темноте не скрипнула отворившаяся дверь.

– Что с тобой? Опять заболел? – тревожно спросила мама, откашливаясь с мороза.

Петька замотал головой и, дождавшись, пока мама разденется и сядет на край кровати, обхватил ее ноги руками, а голову положил к ней на колени.

– Где мой папа? – прошептал Петька коленям.

– Ты же знаешь, что он пропал без вести. Поехал в экспедицию далеко-далеко на Север и пропал. Их искали, посылали вертолет и даже пароход специальный, который ломает льды, но не нашли.

– А в классе говорят, он бросил нас и женился на Клавке со второго сборочного цеха.

– Не слушай, золотиночка. Кого ты слушаешь, какая Клавка...

Длинные сухие пальцы ерошили волосы, гладили лоб.

– Лобастый мой, умный мальчик...

Петька поднимал голову, щурился на оставленный в коридоре свет и ловил мамины пальцы, как струи дождя: попади на щеки, задень нос, проведи по подбородку. Лег он у стенки в маминой постели, свернувшись калачиком и всхлипывая от нежности. Мама легонько дула ему в затылок, а потом уткнулась носом в шею и заснула первая. Он лежал, не шевелясь, чтобы не разбудить маму, и смотрел в окно, за которым большими хлопьями шел снег.

На следующий день на обратном пути из школы Петьку опять окружили во дворе. Были тут и старшие ребята, и совсем детсадовцы. Толкали друг друга в бока и вызывающе, весело смотрели Петьке в глаза.

– Летающий мальчик! – крикнул тощий третьеклассник из соседнего двора. – Покажи нам, как ты летаешь!

– Покажи! Покажи! Покажи! Покажи! – тут же подхватил хор голосов.

Петька остановился и попятился.

– Давай, давай, куд-куда, куд-куда, – заклокотала и забегала, приседая, пухленькая девчонка из дальнего подъезда.

– Ну, чего же ты, Петька, ну, ну, ну, ну... – неслоь отовсюду.

– Мне высота нужна, – удивляясь сам себе, сказал Петька. – Чтоб взлететь.

Ребята завертели головами, кто-то уставился на высокий сарай с плоской крышей.

– Сарай пойдет? – деловито осведомился тощий третьеклассник.

Петька кивнул. Он плохо соображал что делает, только слышал:

– Петька, ну! Петька, ну! Петькану! Петькану! Петькану!

Повторяя про себя «Петькану» и всхлипывая, он полез по заснеженной лестнице, ведущей на второй этаж сарая, к которому был приделан балкон. Там, как и на первом этаже, были двери с номерами квартир. Каждой квартире их дома полагалась своя клетушка для хранения дров. Те, кому достались клетушки на втором этаже, страшно ругали тех, кому повезло иметь их на первом: зимой было особенно трудно спускаться с груженной дровами корзиной по скользкой шаткой лестнице.

На балконе Петька оперся на перила и глянул вниз. Сверху казалось, что детей собралось еще больше, ни дать ни взять вся их Зарека притекла посмотреть на летающего мальчика. Был среди толпы и Бычок, опять смотревший куда-то в сторону.

– На крышу лезь, чтоб выше было, а то не взлетишь! Петька, ну! – кричали снизу.

Голова Петьки горела, шапка слетела еще на лестнице. Он дрожал и в то же время чувствовал неизвестный ему раньше восторг. Шумели внизу, шумело в голове, он сбросил рукавицы и засмеялся, рыдая. «Петькану, Петькану, Петькану», – повторял он, когда лез по второй лестнице, совсем уж хлипкой и заснеженной.

На крыше оказалось так высоко, что он даже присел. До этого Петька не думал, боится он высоты или нет. А тут понял: боится! Сарай оказался выше их дома, с его крыши была видна и Лососинка, и строящийся стадион, и даже красное полотно «Слава КПСС» еще улавливалось в начинающихся зимних сумерках.

Петька вдохнул полной грудью, и морозный воздух словно отрезвил его.

– Mamочка, – прошептал он. – Mamочка, мамочка, моя мамочка, как же ты без меня будешь? Я спущусь, я сейчас, не волнуйся, мамочка, я тихонько, мамочка, я осторожно, ты только не бойся. Я вот с тобой говорить буду, пока спускаюсь. Прости меня, прости, прости, мамочка. Сейчас, сейчас, сейчас...

– Петька, ну? Ну?! Ну!!! – неслоь снизу. Он приблизился к краю крыши и с опаской вытянул шею.

– Летающий мальчик струсил! – заорал кто-то внизу. – Такой же трус, как его отец, заделал Петьку и струсил!

Петька засмеялся уже без рыдания. Он смеялся, закрыв глаза и расправив руки, как птица. Надо вспомнить, как это во сне. Ведь просто. Ну, вот как моторчик такой внутри – ррраз и держишься в воздухе. Тело легкое, надо ноги слегка поджать. Правда, во сне руками можно не махать, руки вообще тут ни при чем, но сейчас лучше махать, птицы ведь машут, вдруг пригодится.

Он стоял и махал крыльями. А голова горела, в ней бились волны, из которых выныривало мамино лицо, передник с васильками, красные туфли.

– Ну? – вынырнуло из самой глубины волн.

– Ну?

– Петька-НУ?

Петька оттолкнулся ногами от края крыши и полетел, успев в первый миг удивиться незнакомой тяжести своего тела.

Он лежал в чем-то мокром и не мог пошевелиться, попытался разлепить закрытые глаза, но и они были залеплены чем-то тоже мокрым. То ли теплым, то ли холодным – не разберешь, главное, оно растекалось под ним, и заползало в рот и уши, и сочилось сквозь закрытые веки. Ускользящим сознанием он слышал, как истошно вопила женщина:

– «Скорую», «Скорую», ребенок убилси-иии! Уууууу!

– Это наш Петька, он не убился, он пролетел! – пытался перекричать ее звонкий детский голос.

– Точно, точно, он умеет летать! – поддерживал его второй.

– Я не виноват! – визгливо доказывал кому-то Борька Бычок.

Потом звуки пропали, и стало совсем темно.

* * *

Дом, похожий на крокодила, все-таки сполз к берегу реки и был разобран, а может, и сгорел случайно, как многие другие деревянные дома в округе, когда плакат «Слава КПСС» сняли, и оказалось, что земля возле построенного стадиона на Зареке уже не окраина, а удаленный центр. На месте старого дома возвели новый из красного кирпича.

Жильцы нового дома уж и подписи под заявлением главе города собирали, и к депутатам ходили. Но сарай не сносили. В отличие от деревянных домов в округе, он даже ни разу не загорелся. Так и смотрел на новый дом старый, покосившийся, похожий на гнилой зуб сарай.

Десять лет назад известный летчик Петр Александрович Платонов после награждения званием Героя России за мужество и героизм, проявленные при испытаниях новой техники, рассказал по центральному телеканалу о том, как в детстве прыгнул с крыши сарая, хорошо, что в кучу снега угодил, который дворник после большого снегопада утром сгреб к стенке, расчищая площадку для детей.

Больше Петр Александрович о сарае не обмолвился, да и на малой своей родине был раза три – по приглашению городских властей выступал на больших праздниках. Но его именем уже назвали улицу и собирались дать его детскому интернату, в котором Платонов воспитывался. Это увеличивало шансы на то, что сарая могут хватиться.

Еще рассказывали в городе о необъяснимом явлении на городском кладбище у старой могилы молодой женщины. «Рано померла, рак легких», – скорбно шелестели сухими губами всезнающие старухи-свечницы из маленькой часовни. Они закрывали ее еще до сумерек, особенно зимой, и не могли объяснить, откуда каждый год появляются рядом с могилой новые туфли. Старые то пропадут, то жуки в них заведутся, да и выцветают сильно на солнце, под снегом и дождем. А потом глядишь – стоят новые. Всегда красные, лаковые.